

НАРОДНИЙ КИНО

РОМАН-ГАЗЕТА

Юрій Фанков / Дмитрій Кіралик

Юрий Александрович Фанкин

Ястребиный князь

Сканирование, вычитка Чернов Сергей, г.Орел
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158742

Ю.Фанкин, Д.Каралис Ястребиный князь. Чикагский блюз.: Роман-газета №24; Москва; 2006

Аннотация

Для героев повести охота – это не средство наживы и не средство для выживания. Это возможность вырваться из тесноты городского быта, ощутить прелесть, неповторимость первозданной природы Средней полосы России, тех мест, где охотился Н.А.Некрасов.

Повесть, написанная в лучших традициях русской охотничьей прозы, утверждает, что и в сегодняшнее время, когда очень трудно отыскать неисковерканные человеком уголки природы, гармония между человеком и окружающим его миром все же возможна.

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юрий Александрович Фанкин Ястребиный князь (*повесть*)

1

Ястребиный князь появился над лесным озером в разгар водополя. Был он светел, как полевой лунь, и размахом огромных крыльев напоминал скопу – водяного орла, однако в отличие от скопы у него не было характерного хохолка на затылке, да и ноги у него были чисто ястребиные – прогонистые, в длинных перьях.

Князь величаво плавал на больших кругах, и его ярко-желтые, словно омытые весенней водой, глаза хорошо различали блескучие заводи с чахлой березой и жидким сосняком, кормные утиные места, поросшие провяленными на солнце тростником и осокой.

Вода, методично ударяясь о стволы прибрежных деревьев и сучья затонувших кустов, ворковала томно, по-тетеревиному, и этот тихий повторяющийся звук будоражил князя, заставлял еще внимательнее вглядываться в размытые бере-

га.

В томлении и радостных муках рождалась весенняя земля, и ее рождение было так похоже на появление гигантского птенца, только что отринувшего оковы снежной скорлупы. Долгожданный птенец уже родился, уже обозначилось его темное, с лиловатыми пестринками тело, но материнская скорлупа еще продолжала липнуть к младенцу. Иссиня-белые осколки прятались в буераках и ямах, в тени разлапистых хвойных деревьев, но дни снеговой оболочки были уже сочтены, и князь, не раз видевший рождение собственных птенцов, невольно радовался появлению большого и могущественного существа.

Ястребиный князь, как и обычные ястребы, был достаточно скрытен и не любил появляться на открытых местах, но сейчас он беззаботно парил в воздухе, стараясь поймать поток встречного ветра, и даже близость воды, способной сделать крылья тяжелыми и неповоротливыми, мало беспокоила его. Несколько раз, пугая чаек, он низко пролетел над взъерошенной водой – князь словно хотел увидеть, что привлекает в озере этих крикливых и суматошных птиц.

Озерная вода пахла тало и отдавала пряным запахом свежей рыбы.

В травянистом затоне, возле осин, поваленных бобрами, князь заметил двух рыбаков в плоскодонке, большого и маленького. Рыбаки были почти неподвижны и своей одеждой ничуть не отличались от серого прибрежного одноцветья;

только блеск глаз, азартный, солнечно-живой – такие глаза бывают лишь у охотников, – выдавал их.

Людские охоты по-особому интересовали князя: нередко они представляли и для него прямую угрозу. Эта же охота, судя по устойчивому интересу людей к воде и по тем предметам, которые лежали в лодке, не внушала князю тревожного опасения.

Мальчик, разглядывающий воду, вдруг выпрямился и посмотрел в небо. Он увидел над собой диковинную птицу, что-то торопливо сказал пожилому охотнику – тот нехотя повернул красноватое от весеннего загара лицо.

– Мо-отри! Мо-отри! – бесшумно выпевали губы мальчика, от волнения привставшего на корме.

Князь понял, что мальчик привлекает внимание к нему, однако не испугался, не замахал всполошенно крыльями, как это бывало в минуту настоящей опасности. И даже правая рука мальчика, поднятая навскидку, как охотничье ружье, не напугала его: сделав несколько уверенных гребков, князь взмыл в высоту и снова стал неторопливо парить, наблюдая за охотниками.

Была пора щучьего икрёма. Смороенная ожиданием рыба жалась к берегу, к прогретому мелководу, терлась тугими икрянными боками о кусты и траву, отдавая золотистый высев. Полусонная рыба поднималась так высоко, что в отстоявшейся воде хорошо были различимы полосатые спины и темное верховое перо. Вода скрадывала размеры, и все рав-

но шуки выглядели крупными, похожими на старые обломки полосатых берез, каких немало прибывает к сорному по весне берегу.

Взрослый, упористо расставив ноги в высоких болотных сапогах с опущенными вниз голенищами, склонился над бортом и выжидательно поднял семизубую острогу. Своей когтистостью, хищной нацеленностью острога походила на лапу водяного орла. Завершающее движение охотника отдалось в ястребином сердце вспышкой азарта...

Глухо бухнула острога. Мальчик, невольно подражая взрослому, тоже метнулся к воде. Взрослый неторопливо, с усилием откинулся назад, и на темной когтистой лапе, словно ставшей естественным продолжением охотничьей руки, заиграла, глотая воздух, большая радужная рыба.

Мальчик заулыбался и бросился помогать взрослому. Зажав в коленях прыгающую рыбу, он с усилием надломил темную, в зеленоватых каплях, хребтину возле головы, и щука быстро уснула, взбулгачив напоследок желтую воду, скопившуюся на дне плоскодонки.

Еще несколько раз бухала острога. Все повторялось, и с каждым ударом, с каждой рыбиной, повисшей на остроге, наблюдение князя за охотниками обретало желанную завершенность. Теперь он знал их самые заветные, таящиеся до времени движения, видел их не особенно приманчивую добычу.

Вскоре рыбаки стали для князя такой же обыкновен-

ной, нераздражающей принадлежностью озера, как кричащие чайки и страстно жвакающий красавец селезень, отыскивающий в камышах свою неприметную подружку.

Теперь внимание князя привлекли темные пятна на старой разлапистой березе, росшей на высоком берегу озера, близ пологой полянки. Если бы эти пятна не меняли своих очертаний, ястребиный князь едва ли догадался бы, что перед ним живые существа. Правда, черный цвет, напоминающий о грачином и вороньем племени, отталкивал князя – он не любил этих ватажных птиц, издающих при его появлении громкие предупреждающие крики.

И хотя князь был с довольно полным, еще не просиженным зобом, нарастающий азарт и врожденное любопытство заставили его сняться с плавных беззаботных кругов и пролететь, таясь в тени деревьев, над вздыбленным берегом.

На красновато-атласных ветках, усыпанных плотными рубчатými сережками, сидели тетерева. Своими размерами, опереньем и особой смирностью они напоминали домашних кур, которых ястребиный князь не раз когтил возле человеческого жилья.

Краснобровые косачи, распуская темные хвосты, булькали, шипели, чуфыкали, и с их белесых клювов стекала похожая на паутину рвущаяся слюна.

Рябенькие курочки сторожко сидели напротив своих ухажеров и изредка издавали мягкое утробное «ко-ко-ко». Однако и робкие ответные звуки необыкновенно воспламеняли

самцов. Расщеперив изумрудные лоснящиеся шеи, косачи терлись о костистые ветви, томно журчали. Курочки, постепенно избавляясь от оцепенения, начинали кокетливо перебирать клювышками свои пестрые перья и медленно, словно помимо воли, приближаться к неистовым петухам, для которых сейчас ничего не существовало на свете, кроме древней самозабвенной песни. Косачи торопливо кланялись, приседали и выпрямлялись – они словно стряхивали остатки снега со своих перепоясанных белыми лентами крыльев и длинных хвостовых косиц после того, как чудом выпорхнули на божий свет из глубокого, уже начавшего затягиваться коркой сугроба.

– Ко-ко-ко! – нежно, словно деревенские несушки, ворковали курочки, не отдавая предпочтения никому из косачей. Курочек было значительно меньше. Ежась и замирая, они ждали, когда их выберет самый решительный и сильный.

– Чу-фышш! – пронзительным шипом исходили боровые красавцы, – Чу-фышш!..

Обессилев от ожидания, курочки стали сваливаться вниз, на утоптанную, в расцарапанных песочных кочах поляну.

Ухажеры, не мешкая, бросились следом, заходили важно и косолапо друг перед другом, заклекотали победно, насканивая грудью на грудь. Посыпались пух и перья на жестоковатую, измельченную в труху прошлогоднюю траву, потекла кровь с набухших алых бровей.

Робкой девичьей стайкой курочки стояли в сторонке – они

словно стыдились, что на весеннем «пяточке» из-за них завязалась такая куражливая, такая кровавая драка.

А ястребиный князь, примериваясь к добыче, скользил светлой тенью на фоне хвоистых крон. Он еще не знал, кого закогтит из этих мягкоперых птиц, но хорошо чувствовал, как заходится неудержимым боем его охотничье сердце. Ястребиный князь верил в свои силы и в свой неустрашимый азарт, способный умножить эти силы. Он не сомневался в надежности своих крючковатых когтей, из которых никогда не вырывались ни заяц, ни глухарь, ни отяжелевший по осени дупель. Конечно, ему было бы куда проще закогтить одну из пеструшек: курочки были гораздо меньше весом, и от них так приманчиво веяло пестрым пухом и врожденной покорностью. Но чем дольше летал князь, чем он зорче выцеливал разгорающимися глазами свою жертву, тем больше его раззадоривали и привлекали черные косачи, напоминающие ворон, с которыми не раз ему приходилось биться в красном лесу из-за нового гнездовья. И все же ястребиного князя сейчас вела не памятьливая злобность и даже не потребность в пище – им, как это ни странно, руководила дремавшая до поры ревность самца к самцу. Примериваясь к добыче, он наконец-то высмотрел самого крупного, черного как смоль косача, безжалостно забивающего своих соперников и по-хозяйски разгуливающего по поляне...

Покачивая темными хвостовыми косицами, черныш-победитель уверенно приближался к ближней пеструшке, и

курочка, заранее чувствуя тяжесть самца, уже жалась к исцарапанной свежими набродами земле, покорно распуская округлые крылья.

И тут словно снежный смерч взметнулся над поляной. Сдавленно вскрикнул смоляной красавец, не понявший, как смогло обрушиться на него, ломая сосновые сучья, тихое и безопасное небо. И вскоре, содрогнувшись, почувствовал, что корявые сучья, обрушившиеся вместе с небом и крепко сдавившие его с боков, сжимаются с особой, пронизывающей беспощадностью, выдающей живое и страшное существо...

Заслышав над собой густой шорох, люди в плоскодонке как по команде подняли головы. После долгого смотрения в воду летящая птица показалась им черной, неестественно громоздкой. Жалко болтающиеся ноги и голова косача, как бы составляющие одно целое с телом князя, на какие-то секунды представились пожилому охотнику выпавшими после ружейного выстрела внутренностями – ему подумалось, что смертельно раненная птица тянет на противоположный берег, чтобы умереть в недоступных зарослях. Но вскоре по белоснежным оконечьям крыльев, по длинному маневренному хвосту сидящим в лодке стало ясно: это недавний знакомец, ястребиный князь, удачливо закогтил большую черную птицу.

Поддаваясь азарту, пожилой бросил в угон князю острый прицельный взгляд – он словно прочерчивал ему одному ви-

димую линию от ружейной мушки до улетающей птицы и точно угадывал, куда может попасть крупная убойная дробь.

А мальчик как всплеснул руками, так и оставил их несведенными. И по этому незавершенному жесту трудно было понять, чего он хотел достичь своим громким, похожим на ружейный выстрел хлопком: то ли выразить искренний восторг, то ли крепко напугать ястребиного князя – а вдруг он выпустит из когтей добычу? – однако загорелые руки мальчика будто оцепенели: возможно, сказала обычная охотничья осторожность, а может, мальчику не захотелось больше нарушать глубокий озерный покой.

Круто загребая белоснежными крыльями, князь приближался к берегу, заметному своим слоистым разноцветьем: по-над водой, в розоватых прожилках ивняка, тянулись пепельные заросли ольшаника, за ними начиналась гряда матово-зеленых осин и тонкоствольного березняка, а еще выше выделялись на фоне вызревающего неба темные зубцы хвойного сплошняка.

Сберегая силы, князь не взмыл над деревьями, а потянул вперед просекой, которая казалась издали тесной, даже непролетной для такой мощной, размашистой птицы. Путь его лежал в красный лес, в знакомую боровую глухомань. Там на высокой гнездовой сосне, спрятав голову под крыло, чутко дремала его темноперая самка, высиживая яйца. Самка была самая обыкновенная, и яйца в ее гнезде были самые обыкновенные: зеленовато-белые с характерными темными

пятнышками. Из этих обыкновенных яиц должны были вывестись обыкновенные чисто-рябые ястребки, которым было суждено когтить лесную мелочь и воровать неповоротливых деревенских курочек.

Ястребиный князь исчез. С выражением мўки на лице пожилой потер поясницу и тяжело, словно по принуждению, склонился над серой водой. А мальчик со свежим любопытством продолжал вглядываться в окаймленное верхушками деревьев небо, глубина которого угадывалась по журчливому звону небесных колокольчиков, и никак не мог освободиться от странного ощущения, что он, подобно белокрылой птице, завис над чистым небесным озером. Казалось, еще чуть-чуть, и он воспарит – стоит только взмахнуть по-ястребиному руками, – однако темная скорлупа лодки держала своего птенца достаточно прочно, не торопилась отпустить...

А жизнь на озере шла своим привычным, ни от кого не зависимым чередом: надсадно кричали чайки, стараясь выхватить друг у друга серебряный лоскуток добычи; как заведенный жвакал селезень, отыскивая свою подружку; торкались, поднявшись над водяным мхом-топняком, тугобокие щуки.

По необсохшим берегам, на открытых солнцу опушках уже недружно выметывался зеленый пух, пробиваясь сквозь ломкую бледную наволочь прошлогодней травы и грязноватую опадь старых листьев; веселыми пятнышками – желтыми, розовыми, фиолетовыми, синими – смотрелись перво-

цветы, притягивающие к себе смиренных и словно навсегда разучившихся жалить пчёл и шмелей.

А в местах поглуше, на беломошных буграх, среди деревьев-выворотней, росла неправдоподобно красивая, как на детских рисунках, сон-трава. С золотистым зрачком-сердцевинкой в обрамлении длинных лиловатых ресниц, на сочном пушистом стебельке, она выглядела настолько хрупкой и нежной, что казалось, могла угаснуть не только от прикосновения рук, но и от любопытного взгляда.

Новый день на озере закипал споро и душисто, как закипает в темном рыбацком котелке наваристая и особенно вкусная после зимней отвычки первая уха.

* * *

Старая английская двустволка – надежный, штучной работы «Пордэй» – неожиданно закапризничала, стала скальваться с привычных целей, словно чутыистая гончая, притупившая нюх. «Пордэй» стал не только мазать, давать «пу-деля», но и, похоже, утратил свой прежний бой: надежная «четверка» порой лишь ворошила гусиный пух, а обычная утиная дробь отскакивала от узорчатого оперенья осенних косачей, словно сухой горох, хотя по весне даже просо рябчиковой дробинки валило краснобровых боровых красавцев.

Полудин задумчиво ощупывал жальца бойков, прислушивался, прильнув ухом к замку, к остудному звону пружин,

вглядывался до слезной ломоты в харчистые стволы, словно врач в простуженные, прокуренные бронхи больного, и тщательно, не теряя осторожности, шурудил металлическим ёршиком в пороховых горловинах, стараясь убрать прикипевшие свинцовые полипы.

Руки так и чесались подточить бойки и даже перепаять цель, но, слава богу, Полудин, поразмыслив, все же не решился на болезненное хирургическое вмешательство. Бывалый охотник знал случаи, когда оставленное в домашнем покое больное нечищенное ружье выздоравливало само собой и, к великой радости хозяина, начинало бить без единой осечки, с прежней нацеленной силой.

Шли месяцы, но ружье, закутанное в холстинку, не выздоравливало.

«Что же случилось? Может, сглазили ружье?» – петлял в догадках Полудин.

И все чаще приходила на ум странная прошлогодняя встреча в Галямином бору, близ Озера.

Вдоволь наохотившись с ботничка в камышово-тальниковой засидке, Полудин возвращался к своему шуруну в деревню Алешунино окрайком Озера по лесной, густо припущенной прошлогодним опадом тропинке. Волглый вечерний туманец, идущий от Озера, рваной тянучей пряжей окутывал нежно-зеленые косицы прибрежных берез, розоватые кусты ивняка, облепленные желтым роем цветенья, побеги черной ольхи с ее лакированными листочками.

Еще не просохшая Квитка, подтянуто-худая, со сбившимися черными кудряшками, трепыхая лопушистыми ушами, бежала впереди Полудина на незримо длинном и все же ограниченном поводке. Собака приняхивалась к пахнущей брусничным перебродом дороге и, видимо, устав от однообразно тяжелого духа, то и дело сбегала на травяные обочины, чтобы, мечтательно склонив лобастую голову, втянуть в себя легкий аромат лилово-желтых первоцветов.

Вдруг спаниель укротил трусцу, настороженно повел ушами, однако не сделал охотничью стойку, только негромко, предупреждающе твякнул, скосив красновато-черный зрак в сторону хозяина: там человек!

«Ко мне! Рядом!» – не говоря ни слова, Полудин требовательно хлопнул рукой по грязному завороту длинного сапога и привычно, не отдавая себе отчета, поправил на правом плече ремень потяжелевшего после охоты «Пордэя».

Квитка залипчиво жалась к ноге хозяина – даже сквозь резиновую грубь и байковый наворот портянки он ощущал ее беспокойство и дрожь. Похоже, она теперь приискивала не столько человека, сколько грозную дичину.

Зябким движением Полудин смахнул с плеча свой «Пордэй», по-солдатски не глядя, на ощупь, загнал в стволы два патрона с крупной дробью и мягким шагом, одолевая упавшие сучья и стараясь не ступать на скользкие, в тугих узлах, сосновые корневища, испестрившие змейками дорожку, двинулся к залитой дымным светом просеке.

Ветерок потягивал встречу. Можно было не особенно сторожиться, но Полудин предпочитал не рисковать.

Он скорее почувствовал, нежели разглядел старичка, сидящего на пне под вековым, еще не успевшим выметать сморщенные красноватые листочки дубом и деловито орудующего челноком в ячейх порванного невода. В своей замшелой лопоухой шапчонке, овчинной душегрейке и лыковых лаптях старик походил на серую морщинистую коряжку, отринутую временем и верховым ветром от могучего ствола.

Квитка, словно отыгрываясь за свой страх, метнулась вперед и разразилась таким неприлично злым и бесцеремонным лаем, что Полудин смутился и покраснел.

– Тубо! Назад! – прикрикнул Полудин, возвращая ружье на плечо. – Здрасьте!

Квитка отбежала в сторону и по-лягушачьи распласталась, положив голову на передние лапы. Ее поза выражала покорность, но глаза вспыхивали неуспокоенно, словно раздуваемые ветром костровые угольки.

– Доброго здоровьичка! – прожурчал старик, затягивая петельку. – Как отохотился? Парочку кряковых заполевал?

– Заполевал! – не удивляясь стариковской прозорливости, откликнулся Полудин. Он почему-то забыл, что два кряковых селезня, добытые на вечерней тяге, висят у него не на поясном ремне, а скромно упокоились в охотничьей сумке.

– Так, так... – Старик потянул к себе веревочную паутину, заброшенную для удобства на темный холмик можжеве-

лового куста. — А собачка, я вижу, у тебя хорошего гнезда.

Квитка прислушивалась к дружелюбному течению речи, приглядывалась к безопасно снующим рукам. Казалось, у нее не было причины волноваться, и все же охотничья собака томила в необъяснимом напряжении и слабо поскуливала.

Полудин вытащил из кармана смятую пачку с папиросами, ощупал ломкие табачные гильзы, наконец выискал плотно набитый стерженек и подошел к старику ближе.

— Хотите?

— Благодарствую, не курю! — сказал старик. — Я тока окурки в лесу собираю. Собираю и затапываю.

— Вот как! А я вот... — Полудин недоговорил. Только задумчиво посмотрел на синюю струйку, потянувшуюся из ладони.

— И ружье у тебя отменное. Казнистое. Небось барин с таким ружьем красную дичь нахаживал... — Разливаясь соловьем, старик почему-то избегал смотреть на двустволку. — Да-а... Много ружей я на своем веку перевидывал: и кремнёвых, и пистонных... Но такого... — И вдруг, неожиданно легко, по-молодому привстав, цапнул сучклявыми пальцами за приклад.

Квитка остерегающе гавкнула. Полудин, нахмурившись, попятился: он, по своей охотничьей щепетильности, не любил, когда чужой человек дотрагивался до его ружья или пытался погладить Квитку.

— Добрые стволины! — продолжал старик, опускаясь на

пень. – Севко палят...

– Слава Богу! Не жалуюсь! – Полудин покосился на сеть, в которую, отступая, едва не угодил ногой. – Да и у вас сетёнка неплоха, правда, ячейки крупноваты.

– Не бойся! – загадочно усмехнулся старик. – Моя рыбка не проскочит.

– Что ж, доброй тони! – пожелал Полудин, теребя ружейный ремень.

– А ружьё-то, случаем, не тяжеловато? – с неожиданной ехидцей спросил старик. – Плечо еще не натер?

– Своя ноша не тянет! – отозвался Полудин.

– Ну-ну! – улыбнувшись, сказал старик, и под нависью кустистых бровей заиграли зеленоватые светлячки.

Квитка злобно заворчала и бросилась к ногам Полудина...

И получилось так, что вскоре после той встречи в лесу за-капризничало, стало давать невыносимые «пудели» когда-то надежное ружье. Полудин терялся в догадках: может, стволы перегрелись при частой стрельбе? забились песком казённая камера? отсырели патроны? а вдруг – чем черт не шутит! – всю охотничью обедню испортили обыкновенные куриные яйца, которые, следуя давнему суеверию, ни в коем случае не следовало брать на охоту.

Жена, видя Полудина, скорбно склонившегося над «Пор-дэем», спрашивала:

– Может, ему врача вызвать?

– Нужно будет – вызову! – мрачно отвечал Полудин. И

продолжал ездить на охоту с большим ружьем.

– Зачем ты его берешь? – удивлялась жена. – Все равно не стреляет.

– Прогулять! – невозмутимо отвечал Полудин.

– Что значит «прогулять»? Странно. Очень странно.

Вообще ей многое в Полудине казалось странным: удивляло, как он безоглядно-легко променял синицу житейского благополучия на писательского журавля в неприветно хмуром российском небе, поражал его мальчишески-живой интерес к охоте и невидным, по ее мнению, людям.

Оказавшись в беде, Полудин не мог пожаловаться на невнимание друзей-охотников: советы сыпались словно заряды – дружно, «решетом», но от поля к полю истощалась самодельная дробь, и кто-то, хорошенько прицелившись, жакнул напоследок надежной «безымянкой»:

– А ты Отцу крестному позвони. Уж он-то наверняка посоветует.

Отец крестный, потомственный охотник – говаривали, его дедушка даже умер в шалаше, на тетеревином току, – дотягивал земной срок вместе с женой на лесном кордоне. Прожили свой век Ерофеич с Матвеевной как пара дружных воронов: она детишек высиживала, а он пропитанье приносил в крепком мужском клюве. Выкормили они, высидели двух птенцов-молодцов, которые, оперившись, разлетелись по чужедальним городским кронам; одна отрада – внук Лёшка свил гнездовье неподалеку, стал нахаживать по дедовским следам

манкие охотничьи тропы.

Многих начинающих охотников, пытающихся встать на крыло, поддержал и окрестил в свое время Ерофеич. Не миновала лесная купель и Полудина.

В тот весенний памятный день на утренней тяге он заповлевал двух маленьких уток-чернушек и взял «под перо» матерого гуся-гуменника, летевшего с Озера на кормные озими. Он взял его повторным выстрелом из правого ствола и, ликуя, бросился к прибрежной березе, по которой, пригибая ветки, скатывалась крупная дичь.

Долго, не веря удаче, Полудин разглядывал серую, с белыми подкрыльями птицу – она казалась ему внезапно уснувшей или притворившейся мертвой. Потом потянул за вялую, с просиженным зобом шею, потрогал по-осеннему холодные желтые лапы и, убедившись, что пролетный гусь все-таки не обманул его, стал думать, куда же пристроить добычу: то ли прицепить вместе с неказистыми чернушками к поясному ремню, то ли постараться засунуть в сумку. Однако гуменник был тяжеловат и размашист для ремня, а держать его в ягдташе не позволяло охотничье самолюбие.

Грязный, в простуженно хлюпающих сапогах, Полудин явился в охотничий табор с большущим гусем в горделиво поднятой руке и торжественно, словно римский триумфатор, бросил добычу на видное место.

– С полем! – встрепенулись сидящие у костра охотники.

– Готовься, крестник! – весело предупредил Ерофеич.

Не успел Полудин зачехлить сладковато пахнущую порохом двустволку, как сподручник Ерофеича, Колька Черпак, заполошно гогоча, словно потревоженный сторожевой гусь, бросился за розгами к озерному ивняку. Закачались, погигельно затрещали пепельно-красные, в серебристых барашках кусты.

– Много-то не ломай! – приказал Ерофеич, отвинчивая крышку мятой солдатской фляжки. – Чай, не корзинки плести. А ты, крестничек, шкуру-то сыми!

Под дружные дублеты шуток Полудин стянул заскорузлую отцовскую куртку, недрогнувшей рукой потянул ворот вязаного свитера. Однако главный экзекутор смягчился:

– Свитерок-то оставь!..

В руке Ерофеича появился выдавший виды граненый стаканчик. Бывалый охотник налил щедро, под «дунькин пояс», и, улыбаясь, протянул Полудину:

– Выпей, друже, на крови!

Молодой охотник лихо, запрокинув голову, выпил, схватил сморщенный, пшикающий рассолом огурец и стал старательно хрустеть, не отводя повлажневших глаз от своего гуменника, который, склонив голову к полураскрытому вееру крыла, как-то настороженно, вполглаза, наблюдал за своим оживленным погубителем.

– Что глаза-то таращишь? – засмеялся егерь Афанасий. – Не улетит твой гусь. Ты лучше на сальцо налегай.

К тому времени подоспели розги. Ерофеич, как гусяря,

провел чуткими пальцами по жигалистым прутьям. Даже пеструю, словно у линяющего зайца, голову свесил в характерном музыкальном наклоне. И вдруг величавый былинный гуслир на глазах у Полудина превратился в лихого казака-рубачу: поведя плечом, Ерофеич секанул прутьями по воздуху. Полудину, еще не успевшему осознать удивительное превращение, показалось, что из соседних кустов с тугим свистом вырвалась крякуша.

– Держись, парень! – припугнул Афанасий.

– Чего бояться-то? – успокоил Ерофеич. – Покамест я только одного Колюню Сафонова до полусмерти запорол. Да и тот... – Ерофеич хмыкнул, недоговорил.

Задорно оскалившись, Ерофеич схватил охотника-новичка за шею, решительно пригнул к земле и три раза, ухая от удовольствия, стеганул по хребтине.

– Что? Уже всё? – удивленно и как будто с огорчением спросил Полудин.

Охотники рассмеялись.

– Три раза. Как положено, – невозмутимо сказал Отец крестный и, переломив прутья на колене, бросил розги в костер.

А потом была отменная, в золотистых блестках, юшка, жаркое из смолисто пахнущей дичины, и Полудин с блестящими глазами рассказывал разомлевшим охотникам, как он, почти не целясь, навскидку, саданул в гуменника из правого ствола и гусь, сложив крылья и кувыряясь, целую минуту

– не меньше – падал на землю. Накаляясь азартом и вспоминая новые, отмеченные зорким глазом подробности, Полудин начинал в своих рассказах идти по второму, третьему кругу. Его улыбчиво слушали, покачивали головами, и в конце концов растроганный Полудин, не зная, как отблагодарить этих мудрых, принявших его в свой охотничий круг людей, предложил:

– Давайте зажарим моего гуся! Что с ним чикаться! Неужто в город повезу? Да я... – в нем вдруг пробилося не замечаемое ранее хвастовство, – в следующий раз не столько нащелкаю!

Охотники дружно противились, а потом егерь Самохвалов помог ему распотрошить еще теплого гуменника и нащиповать брюшину ярко-зеленой, еще не злой по весне крапивой:

– Вези домой и не беспокойся. Сохранится, как в морозильнике.

Сколько с того памятного крещения было обжито и сменено засидок на Озере, сколько водяной и болотной дичи было приторочено к поясному ремню! За это время дальше журавлиных высей сумели улететь тихие целомудренные души родителей Полудина, и старинный «Пордэй», чуть ли не со слезами навязанный какой-то благодарной старушкой покойному отцу, известному на весь район ветеринарному врачу, перешел в единоличное владение молодого охотника.

В последние годы стал сдавать, выбиваться из порохового

азартного табунка Отец крестный, и все чаще на охотничьих привалах вырывалось у него наболевшее:

– Всё, мужики! Баста! Отохотился! Свою централку и всю сбрую Лёшке передаю!

И, безжалостно ломая гордыню ружейного охотника, добавлял с удивительным смирением:

– На хворостинки перейду...

Мысленно осиротевший табунок представлял своего вожака, сидящего на берегу с удочками, и раздражался шумным несогласием:

– Чё буровишь-то, Ерофеич? Аль на солнце перекалился?

– На этом свете надо до последней дробины отстреливаться. На том уже не пальнешь.

– Не чуди, старина. Приклад, что ли, потяжелел? Так давай половинку отчекрыжим!

Ерофеич пыхтел, кряхтел и, словно поддразнивая друзей-приятелей, продолжал гнуть свое:

– Пора на печи кости греть. Ушли мои годы, как русак на махах...

Намаявшись с «Пордэем», Полудин решил посоветоваться с Ерофеичем, но не так-то просто было дозвониться до старого охотника. Районная, полная помех линия связи, казалось, погрузила Полудина в знакомый мир леса: журчанье тетерева сменялось характерным хорканьем и цвирканьем вальдшнепа, а писк рябчика соседствовал с заливистой флейтой иволги. Несколько раз сухо проскрипел коростель,

и даже послышалось испуганное верещанье зайца: ув-ва, ув-ва-а!

Лес жил, давало знать о себе Озеро, но почему-то Ерофеича не было слышно ни в лесу, ни на Озере.

И все же Отец крестный, потюмив Полудина, наконец-то подал голос из своей засидки:

– Ерофеич? Жив, старина? – обрадовался Полудин.

– А куды я денусь? – по-млодому бедово отозвался Ерофеич. – Какая-то кряква сто лет живет, а я чем хуже? Не, мы еще малость пожурчим, почуфыкаем.

– А то и крякнем! – весело поддержал Полудин.

– Крякнем! – подхватил Ерофеич. – Пожируем возле ко-стра... – И вдруг, отбросив всякую шутейность, осведомился деловито: – Ну, докладай, что за нужда?

И Полудин коротко рассказал о выбывшем из охотничьего строя «Пордэ».

– Ну и дела-а! – протянул старик. – Стало быть, и мыл, и смазывал, и на русской печке сушил. Дробь крахмалил? И казённик, говоришь, в порядке? А гильза, случаем, никогда в стволе не застревала? Сглазили, думаешь? Ну, брат, я век прожил, а заговоренных ружей не встречал! Рекрутов, слышал, в старые времена от вражых пуль заговаривали, но что-бы ружье... – Ерофеич замолк.

Полудин насторожился.

– А ты про князьков слышал? – вдруг спросил Ерофеич.

Каких только историй не наслушался Полудин возле охот-

ничьих костров! И, конечно, не прошли мимо него случаи, связанные с князьками – удивительной дичью, которая размером и окрасом сильно выбивалась из своей породы. Как-то, охотясь без собаки, Полудин даже вытоптал на болоте дупелиного князька: крупная длинноносая птица с ярко-белым брюшком и заснеженными подкрыльями с треском выпорхнула у него из-под ног...

– Слышал кое-что, – осторожно сказал Полудин. Он не мог понять, к чему клонит Отец крестный.

– У моего дедушки шомполка-утятница была, – начал издалека – словно загадку загадывал – Ерофеич. – Ствол харчистый, хоть куриными яйцами стреляй. Ох и бухало! Чтобы не оглохнуть, мой дед уши мхом набивал.

«Каким мхом? Сухим или свежим?» – хотел было пошутить Полудин, но удержался.

– Вот и его пищаль однажды испортилась. Как только не выхаживал – не помогало. Слава богу, нашелся добрый человек, присоветовал: «А ты князьковой кровью стволы смажь!» И что же ты думаешь? Заполевал дед заячьего князька из другого ружья, смазал стволины – и снова кум королю.

– Где же я этого князька отыщу? – вырвалось у Полудина.

– А это уж твоя забота! – сурово сказал Ерофеич. – Его к твоему ружью не привяжут.

Порою достаточно бросить одно поклёвистое словцо, чтобы увлечь человека мечтой и надеждой.

«Чепуха! Охотничьи сказки! – пытался сопротивляться Полудин, но слово сладостно поддразнивало слух: – Князь! Князек!» – и в который раз он отчетливо представлял вылетающего из болотной залежи дупелиного князя. Почему он тогда не заполевал его?

Заряженный «шестеркой» «Пордэй» был у него в руках, а набравший осеннего жирка князь не сразу затерялся среди еловых нависей. Уже тогда Полудин неплохо стрелял навскидку и мог бы вполне взять дупеля в угон. Что же помещало ему?

Он вспомнил свой восторг и удивление. Какие-то доли секунды Полудин напряженно соображал, что это за птица, – стрелять в незнакомую дичь он не мог, – и этого времени вполне хватило, чтобы охотничья жар-птица исчезла навсегда...

В октябре, на Астафьев день, когда чернёвая птица, облетев с печальным криком знакомые камышовые присады, устремилась к старым пролетным путям, а кряковые утки и гуси еще ватажились и гурьбились на чистинах, возле берегов, Полудин решил попрощаться с Озером до весны. Как это иногда бывало, он попытался прикрыть главное, не каждому понятное желание завесой самых обыкновенных дел: нужно было взять маленький зачехленный топорик, спрятанный в последней засидке, перенести лодку из затона на высокое, недоступное водополью место, а заодно проверить ижевскую двустволку.

Добравшись до Озера, он зарядил ружье и долго, глядя на воду, сидел на дубовой коряжине.

За спиной пошумливал, потрескивал матерый красноствольный лес; иногда под старческий хохоток глухо падали сосны – это шалили, пугая припозднившихся охотников и грибников, лешие, которым предстояло покинуть найденные тропы и переждать снежную лють в звериных норах.

Озеро словно вымерло. Почти все птицы-зимняки покинули золотые, с темным изумрудом берега, подтянулись к домам и огородам, и среди глубокого птичьего затишья как-то легкомысленно звучала песня пеночки-теньковки.

Пытаясь смахнуть с себя непрестанно падающие листья, Полудин обнаружил на коленях ружье, показавшееся ему незнакомым после старого «Пордэ».

Мысленно видя перед собой князька, охотник встал, прижал приклад к плечу и попытался выцелить севшую на воду чайку. Конец ствола немного погуливал, и белая птица помаргивала в ружейной прорези. Он попытался принять более устойчивую стойку, разгреб носком сапога лиственную опадь, но ствол все равно подрагивал, словно удилище при слабой поклевке, и Полудин, грешивший на свою отвычку, вдруг понял, что «ижевка», в отличие от «Пордэ», не так прикладиста.

«Как же я раньше этого не заметил?» – удивился Полудин.

Несколько лет тому назад он брал на охоту «ижевку» и почему-то при стрельбе не испытывал особенного неудобства:

ложе довольно плотно прилегалo к плечу. Может быть, все дело в том, что его правое плечо от долгого сиденья за письменным столом стало еще выше?

— Чего гадать? — произнес вслух Полудин. — Нужно переделать приклад.

Свое осеннее прощание с Озером Полудин не представлял без тихого плавания на ботничке. За время затяжных дождей старенький, в заплатах, ботничок заметно потяжелел и, казалось, потерял всякую надежду пошарить утиным носом в камышах и осоке.

Полудин с трудом открыл ржавый замок и, закинув на корму цепь, столкнул лодку на воду. Работая распашными веслами, догреб до материка Озера и пустил свой оживившийся ботничок на волю волн. Сторожкая утка плавала вдали. У Полудина не было желания скрадывать пролетную дичь, и все же на всякий случай, в силу неискоренимой охотничьей привычки, он заложил в ружье патроны с утиной дробью.

Скопа, косо скользнувшая к воде, заставила Полудина встрепенуться. Он даже дотронулся до холодных, с легким налетом сыри, стволов, и этот зимний, пробирающий до косточек холодок словно остудил внезапно вспыхнувшее желание проверить бой ружья и собственную меткость. Боясь спугнуть занятую охотой птицу, Полудин осторожно положил ружье на колени, снова стал подчеркнуто неподвижным, слившись в единое целое с лодкой, которую ветром и попут-

ным течением сносило к пестрому берегу.

Птица хотела сразу, с налета, закогтить верховую рыбешку, но у нее не получалось, и она, погружаясь крючковатыми лапами в воду и отчаянно размахивая серыми крапчатыми крыльями, повторяла свою попытку. Скопа зависала на одном месте, и Полудин догадался, что рыба мертва. Скопе мешали только волны.

Наконец, изловчившись, скопа выхватила из воды серебристую добычу и, широко взмахнув крыльями, взмыла вверх. Если бы не ее сомкнутые, сжатые в комок лапы, то можно было подумать, что птица улетает пустой. Полудин облегченно вздохнул и сдержанно улыбнулся: за эту упорную, рискующую угодить в воду добытчицу он переживал, словно за самого себя.

Лодку по-прежнему тянуло к берегу, к жестким, надломленным после первых утренников камышам. Широкий утиный нос ботничка с шорохом скользил по травам. Чтобы не запутаться в травяных сетях, Полудин крылато, по-птичьи, взмахнул веслами, и его снова вынесло на чистинку, в которой, словно снежное сало, белели облака.

Лес, отдалившись, тягуче шумел, волны продолжали старательно полоскать возле берега цветастые лиственные половики. Полудин привык к баюкающему шуму и поэтому воспринял скрипучий крик неведомо откуда взявшейся сороки остро, раздраженно – словно скрип наждаком по стеклу. Сорока, отбившаяся от своего беспокойного вороватого

племени, перелетала с дерева на дерево, предупреждая кого-то о появлении человека на Озере.

Прикинув расстояние до птицы, Полудин сделал несколько сильных гребков к берегу. Оставив весла на боковинах лодки, взял в руки подменное ружье. Глаза его загорелись.

Он хотел взять ее влёт, в угон, но сорока, трепыхаясь в поредевших ветвях, держалась на береговой линии, и, стало быть, ее нужно было брать как боковую птицу. В этом был некоторый риск – Полудину лучше удавались угонные выстрелы, когда приходилось целить под птицу, – и поэтому, решив немного отстать, охотник потабанил веслами.

Однако сорока не спешила лететь вперед. Желая поторопить ее, Полудин привстал и взмахнул ружьем. Птица переместилась на несколько метров и села, покачивая черным хвостом, как трясогузка. У Полудина не было никакого желания брать сидяка. Он еще раз угрожающе взмахнул ружьем и, когда сорока, фыркнув крыльями, взметнулась над желтой березой, жажнул из правого ствола. Его охотничья душа словно прослеживала полет дробь. Через какое-то мгновение он почувствовал, что дробь нашла цель, и только потом увидел взбрызг черно-белых перьев.

– Молодцом! – сказал Полудин. Он хвалил не себя, а ружье. – Молодцом! – И погладил чуть потеплевший ствол.

Эхо выстрела, множась, прокатилось над осенним Озером, и Полудину начало казаться, что на Озере обнаружили себя и другие охотники.

Недалеко от бобровой плотины Полудин нашел свой шалаш. Крытый лапником и осокой, присыпанный лиственной опадью, среди которого выделялись ярко-красные листья осинника, скрадок был сказочно наряден, незаметен, и охотнику невольно захотелось посидеть в нем с ружьем. Однако желание так же быстро ушло, как и пришло. Ему не хотелось скрадывать отлетную птицу. Весною все выглядело как-то иначе: прилетевшая в родные камыши птица словно становилась своей, домашней, и охотник, как рачительный хозяин, дав сереньким утицам завязать потомство, с легким сердцем отстреливал самцов-селезней, этих сластолюбивых ревнивцев и безжалостных разорителей утиных гнезд.

Когда-то в молодости, подражая другим, и Полудин валил осеннюю, набравшую жирка птицу, но потом ему надоело подстраиваться под чей-то бездумный азарт, а возможно, и обыкновенную практичность. Решив расстаться с репутацией удачливого добытчика, Полудин нередко возвращался по первоосенью с пустым ягдташем. И тем не менее у него не было ощущения охотничьей неполноценности, и убитая друзьями птица, тяжелая, с убористым масленистым пером, не вызывала зависти: по его мнению, свой жирок птица копила только для того, чтобы дотянуть до дальних теплых берегов, а не ублажить охотника.

Он с удивлением заметил, что боязливая осенняя птица, словно распознав его миролюбие, стала подлетать к плавающему ботничку на расстояние выстрела. Возможно, ружье,

лежавшее на коленях Полудина, казалось гомонящей утве безобидной спиннинговой удочкой.

Полудин зацепил лодку за поваленную бобрами осину и, согнувшись, нырнул в скрадок. Сквозь щели сеялся пыльный свет. Присмотревшись, Полудин разгреб на еловом полу слежавшиеся ржавые ветки. Потоптавшись на одном месте, как встревоженный тетерев-токовик, и ничего не обнаружив, Полудин начал было грешить на нечистых на руку людей, однако думать дурное о собратях по охоте ему не хотелось, и он вскоре переключил внимание на себя: «Возможно, я припрятал его в другом месте. Просто забыл...»

И как только он стал винить себя, так топор сразу же нашелся. У Полудина было такое чувство, что кто-то сделал ему подарок.

Оступаясь, он забрался в качливую лодку и, упираясь ногами в донную ребровину, через которую перекачивалась вода вперемишку с красными осиновыми листьями, вязко погреб навстречу ветру, в обратную сторону. Добравшись до заводи, Полудин разложил на лодочной скамейке нехитрую домашнюю закуску, отвинтил плоскую стеклянную бутылку. Негромко, словно остерегаясь нечаянных свидетелей, сказал:

– Прощай, Озеро! До весны!

Гусь-одинец возле противоположного берега ответил ему сдержанным гоготом.

Домой он вернулся коммерческим автобусом и, поднима-

ясь в свою квартиру, на второй этаж, без особой охоты, просто в силу художнического воображения, представил во всех деталях, как встретит его жена...

– Пустой? – насмешливо спросила жена.

Полудин не удивился вопросу.

– Почему же пустой? – возразил он. – Сороку стрельнул.

– Ты серьезно? – Жена с соболезнающим прищуром посмотрела на него. – Зачем тебе сорока?

– Болтала много! – сказал Полудин и отстегнул патронташ с неизрасходованной начинкой.

Жена поджала губы и удалилась...

Полудин ушел в зимнюю творческую засидку, стараясь не думать ни о больном ружье, ни о совете Ерофеича. Но не тут-то было. Редкостный князек, подобно заманчивому, требующему воплощения сюжета, продолжал жить в его памяти, отвлекая и будоража. Как-то Полудин принялся перелистывать старую охотничью литературу и поймал себя на мысли, что он, словно ястребок добычу, зорко выискивает в степных аксаковских пределах вожака князька. Случалось, в своих мечтательных снах Полудин тропил по первой печатной пороше огромного зайца-тумака, скрадывал невиданного косача с красными косицами, поднимал на крыло черного, как глухарь, сторожевого гуся, шел по свежему нарыску за серебристой лисой. Звери и птицы, словно поддразнивая охотника, подпускали близко. Полудин судорожно жал спуск и слышал слабый сырой звук: осечка! Раздосадованный По-

лудин готов был бросить в князя свое ружье, как бросают городошную биту.

Но не всегда следовали осечки. Звучали, радуя слух, тугие, полновесные выстрелы, но дробь, словно облачко пыли, растекалась по целому и невредимому князю.

За левым плечом слышался скрипучий старческий голос:
– Патроны-то с просом. Охотничек!

Квитке, как и Полудину, тоже снились охотничьи сны. Принюхиваясь и шевеля большими ушами, она схватывала в сладком забытии свежий наброд и напрягалась всем телом, стараясь перейти с поиска на потяжку. Поработав низом и прихватывая верхом, она как будто замирала, тянулась мохнатой, в слюнных висюльках, мордой вверх, стараясь встать свечой возле затаившейся дичи. И странно смотрелись рядом с работающей во сне собакой остатки забеленных щей в миске и маленький замусоленный мяч, играющий роль поноски.

В трудах и житейской суете, грозящей затянуть, как болотная непролазь, прошла зима. После Сретенья стал позванивать с кордона Отец крестный:

- Все дороги рассусолились. На Озере забереги.
- На Озере материк лед скинул. Ольха зацвела.
- Утва табунами прет. Гуси на пары разбились.
- Вчерась на Полесковском току петухи токовали. Штук тридцать, не меньше.
- Караул! Личарда на охоту за штаны тащит!..

Заразившись нетерпением, Полудин в очередной раз проверил содержимое охотничьего ящика, перебрал патроны, пыжи, порох, пули, самодельную, на сковороде катанную дробь, всевозможные веревочки и ремешки – все то, что было нужно и, казалось бы, совсем не нужно, но без этих ненужностей давний припас выглядел бы не столь полным и живописным.

Перед скорой весенней охотой как будто оттаяла жена: перестав ссориться с мужем из-за костей для Квитки, которые, по убеждению Полудина, могли только испортить охотничью собаку, она с кротким видом потчевала спаниеля безобидными щами и кашами, решительно разорвала свой поношенный фланелевый халат мужу на портянки и, по-детски ойкая и посасывая уколотые пальцы, зашила суровыми нитками старенький, доставшийся от отца патронташ.

Однако Полудин слишком хорошо знал жену, чтобы поверить в чудесное превращение.

Отец крестный продолжал названивать, горячить Полудина, словно застоявшегося гончака. И однажды он сообщил такое, что Полудин взволнованно стиснул телефонную трубку:

– Вчерась Костюшка с внуком князя на Озере видели. Летает, как самолет.

Первое апреля еще не наступило, и все же Полудину показалось, что Ерофеича повело на охотничий розыгрыш.

– Ты что? Какой князь? Не может быть.

– Натуральный князь. Ястребиный! – В голосе Ерофеича не чувствовалось подвоха. – Хочешь – не верь, а хочешь – проверь. За что купил, за то и продаю!

– Вот так но-овость! – протянул Полудин. – Спасибо, старина... – И осторожно, словно заряженное ружье, положил плакающую трубку.

В ушах у него зашумело, тугой однотонный шум – будто сосновые вершины разгулялись в красном бору. Полудин погонял во рту прозрачный катышек валидола, выпил валерьяны – шум не проходил. Затем, вспомнив о старом средстве, съел сырую луковицу. И все же лес, заметно отступив, продолжал мятежно шуметь.

Полудин решил еще раз проверить калибры патронов.

Весенняя охота по-особенному желанна. После зимней затишки такое чувство, что охотник-утятник вместе с гомонящей птицей прилетел из чуждавшей стороны и, жадно вглядываясь в обметанные свежей зеленью озерные берега, ищет знакомые присады.

Нет, не только ради пернатой добычи собрался изждавшийся охотник на весеннюю зорьку. Хочется ему посидеть дружеским кругом возле постреливающего костра, расположившись на смолистом лапнике, отведать неторопкими прихлёбами янтарной ущицы и лесного чая, послушать веселые побрехушки в звездную полночь.

По-птичьи сбившись в табунки, спешат охотники к Озе-

ру, чтобы занять выстрадаанные долгим полеванием места на Теплой заводи, Ямах, незамерзающих ручьевинах Серебряного ключа.

Крякают утки в камышах, на мелких порубях журчат и чufыкают тетерева, в ельниках пересвистываются рябчики. Певчие дрозды разливаются, словно черемуховые соловьи.

Собаки, давась ошейниками, тянут на звуки. Охотники осаживают припадающих к земле собак, правят их на тропы, ведущие к Озеру.

На необсохшем, еще рыжеватом берегу разговоров хватает:

– Николай, здорóво? Еще воюешь?

– Куда ж без охоты! Как присуха.

– Чтой-то Васьки Пистона не видать?

– А ему лиса хвостом по башке ударила. Ушел на инвалидность!

– А как там у Ерофеича Личарда? Я ее манюсеньким щенком помню.

– Гоняет еще...

Разбив таборы возле старых кострищ, бывалые охотники, прежде чем запалить костер и наскоро перекусить, неторопко пройдутся вдоль изменившегося в водополье берега, прикидывая, где лучше зашалашиться на этот раз. Выбрав подходящее местечко, спустят на воду свои латаные-перелатаные ботнички, потом, ловко орудуя топориками, вырубят сердцевину из разлапистого, в мохнатых сережках куста, за-

плетут ребрастые боковины гибким ивняком, навалят сверху камыша, осоки и другой неприметной сушины – не пройдет и полчаса, как скрадок, похожий на огромную болотную кочку, будет готов. Соорудив шалаш, прилежный охотник на этом не успокоится: потопчется, покрутится в своем укрытии, вглядываясь в прогалы-бойницы на кисельно-серую воду, в которой, кажется, прилетную утицу едва ли различишь, и, убедившись, что можно развернуться и в такой теснине, довольный, выберется на берег.

У каждого человека в охотничьем табунке есть особое строевое место и не единожды отмеченный талант: кто-то расторопно нарежет и разложит домашнюю снедь – хоть на лодочной корме, хоть на капоте машины, а то и на лесном, с клыкастым отщипом пне; другой без зазубренного ножа, одними пальцами да подвернувшейся под руку какой-нибудь ракушкой почистит и распотрошит рыбу; третий зарядит уху и, никого не подпуская к котелку, доведет варку до пенной шумливой шапки, до белых рыбьих глаз; четвертый, признанный чаевар, изготавит из брусничного листа, корней шиповника такой напиток, что будешь пить – не напьешься; пятый, не смущаясь разнокалиберными стопками и кружками, разольет «целебную» чуть ли не с закрытыми глазами; шестой нарядит обычную историю в такое брачное оперенье, что будешь слушать – не наслушаешься. И уж конечно на открытие охоты каждый подзапасется своей домашней особенной привадой: тающим во рту салом, вилковой квашеной

капустой, бочковыми хрусткими огурцами, маринованными белыми грибами, моченой брусникой и, разумеется, любовно возделанной «целебной» – всё же не пьем, а лечимся! – на молодых березовых почках, июньском зверобое, перегородах грецкого ореха, калгановом корне, барбарисовых ягодах, а то и на чесноке, после которого охотника впору не на номера ставить, а отправлять куда-нибудь в дальний загон.

Конечно, не перевелись мастера с одной спички запалить костер, и всё же в этом древнем заразительном деле участвуют так или иначе все: тащат из лесной непролази замшелые коряги и рыжие ветки, собирают скрученную бараньим рогом березовую кору и чуть ли не лучинки из-под славно поработавшего дятла – для розжига и такая мелочь годится! – а кто-то, по-плотнички ухаю, разделает большим топором древесную неудобь.

Трудно, просто невозможно коротать время у таборного костра и удержаться от соблазна подбросить в пыл-жар хоть какую-нибудь мелкую сушнину, пригоршню прошлогоднего опада, щепу или древесное крошево, от которых, кажется, и проку-то никакого...

По устойчивым береговым дымкам охотники узнают друг друга на расстоянии: вот поплыли желтоватые облака над Ямами – это табор Ерофеича, заиграли слюдяные блики на Вамнинской седловине – это Пановы прикатали на стареньком «газике»...

Пока уха клокочет, дозревает, и выпить можно. Поторго-

вавшись для порядка, с чьей «целебной» начинать, по стаканчикам разливают терпко пахнущую жидкость.

Прислушается к бутылочному бульбуканью считающийся непьющим охотник, потаенно вздохнет и попросит негромко, словно стесняясь собственного голоса:

– Плесни-ка, друг, и мне маленько.

Никому не откажет твердый на руку виночерпий. Одежит каждого хвалебной «целебной» и довольно долго, вымучивая нетерпеливых, будет завинчивать фляжку. Для вида справится:

– Ну как? У всех нолито?

– Нолито! – дружно откликнутся другие охотники.

Играет рассыпчатое солнышко в лиловатых султанах безрез. Волны сочно шлепают о берег. Любота! За что же первый тост? И кто-то, чувствующий охотничью душу, предложит:

– С Озером!

Ему откликнутся согласным эхом:

– С Озером!

Выпивают, побрякивая, выцеливая на столе вкусный домашний харч. Собаки, схватив на лету кусок-другой, носятся челноками до Озера и обратно. Нарядные бабочки-крапивницы греются на зачехленных ружьях.

А порозовевшая белоглазая рыба уже нетерпеливо бьет хвостом по ободку котла – незаметно, за разговорами и первыми тостами, уха подошла. Как это заведено в испытанном

табунке, пробовать уху доверяют самому опытному и беспристрастному человеку.

И вот признанный пробовальщик важно скидывает кипенно-белую, не первого съема пену, тщательно шурудит деревянной ложкой в золотой, туманно парящей лунке. Осторожно черпает, тихо дует. Все внимательно поглядывают на бывалого гурмана, а сам повар, выходявший уху до малой перчинки, до последней щепотки соли, добавивший, на всякий случай, чайную ложку сливочного масла, переминается с ноги на ногу и сдержанно пыхтит, как закипающий чайник, — еще немного, и горячей конфоркой начнет погромыхивать...

Вроде бы и прицепиться не к чему, а судья почему-то медлит, думаяще поджигает губы. Наконец, потеряв поясницу, достает из костра тлеющую головешку. Сует головешку на какое-то мгновенье в котелок и снова пробует. Довольно хмыкнув, оглашает свой приговор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.